



## ЗАРУБЕЖНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ Foreign Literatures

DOI: 10.24411/2072-9316-2021-00017

О.А. Маркелова (Москва)

### АУД МУДРАЯ В ИСЛАНДСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ

**Аннотация.** При рецепции древнескандинавского универсума в современных исландских исторических романах в основу повествования, как правило, кладутся конкретные древнеисландские тексты, с которыми создаются интертекстуальные связи. Романы Вильборг Давидсдоттир «Ауд» (2009), «Смертельный багрец» (2012) и «Кровавая земля» (2017) выделяются на их фоне тем, что посвящены фигуре, о которой в древнеисландской литературе отсутствует единый цельный подробный текст – Ауд Мудрой. Лейтмотивы всех трех романов: гендерные взаимоотношения, язычество и христианство, вопрос о личном выборе и личной свободе, взаимоотношения скандинавов и кельтов. Поскольку описанный в трилогии период – время накануне и во время заселения Исландии, можно сказать, что Ауд Мудрая находится «по ту сторону» исландской повествовательной традиции (т.к. основные события ее жизни предшествуют времени складывания этой традиции). Особенности поэтики в трилогии Вильборг Давидсдоттир во многом обусловлены именно отсутствием в древней и современной исландской прозе нарратива об Ауд – а также тем, что существенную часть содержания трилогии составляют события и факты, заведомо не могущие быть объектом изображения в древнеисландской литературе (будничная жизнь женщин и подробности судьбы ирландских рабов). Трилогия Вильборг Давидсдоттир занимает промежуточное положение между исландской («сагоцентричной») и континентальной европейской формой исторического романа.

**Ключевые слова:** современная исландская литература; исторический роман; рецепция; «Книга о заселении земли»; «саги об исландцах»; женская фигура в историческом романе.

О.А. Markelova (Moscow)

### Aud the Deep-Minded in the Historical Icelandic Narrative

**Abstract.** In the reception of the Old Norse universum in contemporary Icelandic historical novels, the narrative in them is, as a rule, based on some certain Old Icelandic literary texts, and there are created intertextual links to them. The novels by Vilborg Davíðsdóttir: “Aud” (2009), “Crimson Skies” (2012) and “The Bloody Earth” (2017) differ from this trend, as they are devoted to the person, about whom there exists no single detailed Old Icelandic text, Aud the Deep-Minded. The leading motifs of the trilogy are: the gender issue, paganism and christianity, the issue of personal choice



and personal freedom, interaction between the Scandinaves and the Celts. As the period described in the trilogy is the time just before and during the settlement of Iceland, it can be stated, that Aud the Deep-minded stands “on the other side” of the Old Icelandic narrative tradition, as the main events of her life occur before the emerging of this tradition. The poetics of the trilogy is largely derived from the absence of a developed narrative tradition about Aud both in Old and in modern Icelandic literature, as well as by the fact, that a considerable part of its contents could have never become the material of Old Icelandic literature at all (e.g. the daily life of women and the details of the Irish slaves’ fate). The trilogy by Vilborg Davidsdóttir lies between the specific Icelandic („saga-centered“) and the non-Icelandic form of the historical novel.

**Key words:** modern Icelandic literature; historical novel; perception; “Landnámabók”; Sagas of Icelanders; a female figure in a historical novel.

Данная статья является частью масштабного исследования, проводимого ее автором и посвященного рецепции древнеисландской словесности и культуры в исландской литературе 1990–2010-х гг. Эта рецепция в исландской литературе данного периода пока еще мало изучена даже в самой Исландии. (Поэтому многие касающиеся ее выводы основаны на эмпирических наблюдениях за литературным процессом). Важность древнеисландской литературы для культурной идентичности современных исландцев и литературного процесса в Исландии не подвергается сомнению. В исландской литературе последних трех десятилетий обращение авторов к сюжетам, образам и персонажам саговой литературы и эддических песен нельзя назвать частотным (количество текстов, где есть обращение к ним, обозримо), но оно встречается в произведениях практически всех родов и жанров (исторические романы, лирическая поэзия, рок-поэзия, проза для детей, пьесы...). Часто к этой тематике обращаются писатели, играющие в литературном процессе заметную роль. При исследовании не учитывается использование современными исландскими авторами крылатых цитат из древнеисландской словесности или отсылки к ее героям как к прецедентным (они прочно вошли в исландский языковой обиход и могут встречаться даже у авторов, не знакомых с древней литературой или знакомых с нею только по косвенным источникам).

В данной статье внимание будет сосредоточено на романах, созданных на материале древнеисландских саг. Если подход к созданию подобных исторических романов, используемый большинством авторов вне Исландии – создавать собственные сюжеты и персонажей по «рецептам» саговых [Wawn 2005], то для таких романов, написанных самими исландцами, характерна «текстоцентричность»: в основе сюжета обычно лежит конкретная древнеисландская сага, событийный ряд которой остается неизменным, однако автор романа может переместить акцент на внутреннюю жизнь персонажей или «дописать» эпизоды, оставшиеся в саге «за кадром» [Маркелова 2019]. Совершенно очевидно, что подход, используемый исландскими писателями, подразумевает детальное знакомство автора (и в идеале, читателя) с соответствующими древними



текстами.

Обращение современных исторических романистов Исландии к саговому материалу обусловлено, как пишет Ауртни Бергманн, их желанием «заполнить лакуны» и «разгадать загадки» этих знаковых для исландцев текстов, осмыслить их сюжетные коллизии и мотивировки поступков персонажей [Árni Bergmann 2012, 118]. К этому можно прибавить также стремление сопоставить данную историческую эпоху с современностью по тем или иным параметрам, выявить границы конкретно-исторического и универсального [Маркелова 2019, 30, 32].

Далее речь пойдет о творчестве Вильборг Давидсдоттир (Vilborg Davíðsdóttir, род. 1965). Она известна читателям на своей родине как автор многочисленных исторических романов, посвященных различным векам скандинавского средневековья, а также книги «Любовь, дракон и смерть» (2015), призванной служить «справочным пособием» для тех, кто пережил смерть близких. Как исторический романист Вильборг называет себя ученицей Ауртни Бергманна (род. 1935) – литератора, переводчика, филолога-русиста, в 1994 г. выпустившего роман «Торвальд Странник», в центре которого стоит «биография» персонажа, известного по сагам.

В данной статье рассматривается ее трилогия об Ауд Мудрой: «Ауд» (Auður, 2009), «Смертельный багрец» (Vígroði, 2012) и «Кровавая земля» (Blóðug jörð, 2017).

Ауд (по другим источникам – Унн) Глубокомудрая (Auður / Unnr Djúruðga), дочь Кетилия Плосконосого, а также ее родня и история ее переселения в Исландию упоминаются в таких древнеисландских текстах, как «Книга о заселении земли», начало «Саги о людях из Лососьей долины» и «Саги о людях с Песчаного берега». Согласно этим источникам, Ауд является родоначальницей многих семей, сыгравших существенную роль в скандинавском мире IX в., но и ее собственное значение как личности в них также подчеркивается.

Отдельного древнеисландского текста, где Ауд была бы центральной фигурой, нет, а сведения о ней в существующих источниках неполны и противоречивы. Так, нет однозначной информации о ее вероисповедании: в «Книге о заселении земли» Ауд упоминается в числе первопоселенцев-христиан [Landnámabók 1946, 234] и велит похоронить себя на приливной полосе, чтоб не лежать в неосвященной земле [Landnámabók 1946, 88]; в «Саге о людях из Лососьей долины» ее похороны описаны по-другому: над ней насыпают курган, т.е., совершают языческое погребение [Laðdæla saga 1978, 11].

На фоне других исландских исторических романов 1990-2010-х гг., посвященных «веку саг», трилогия Вильборг Давидсдоттир обращает на себя внимание гендерной принадлежностью автора и героинь. Женщины – авторы исторических романов, посвященных этому периоду, в Исландии последних трех десятилетий – отнюдь не массовое явление, а создание романа о героине «эпохи саг» имеет свою специфику, т.к. в древнеисландской литературе женщина редко стоит в центре



повествования. (Исключение составляет, пожалуй, Гудрун Освивсдоттир из «Саги о людях из Лососьей долины», однако и в этом случае сага не названа ее именем). По сравнению с другими исландскими историческими романами, посвященными IX–XIII вв., за трилогией Вильборг Давидсдоттир не стоит цельного подробного древнеисландского текста.

Здесь возникают закономерные вопросы о том, как эти факты влияют на специфику рецепции древнеисландской словесности и культуры в трилогии (и влияют ли), а также о том, каково место трилогии в контексте других современных исландских исторических романов о «веке саг».

В отношении исторических романов, в центре которых стоит женщина, справедливо следующее утверждение: «Написание исторических романов с женской точки зрения позволяет осветить тех, кем пренебрегают, дать им голос. Однако с этической точки зрения, это наделение голосом прежде безмолвствовавших лиц или групп гораздо сложнее простой замены одних на других. Внимание к неофициальным историческим и культурным нарративам не подразумевает игнорирования или замещения официальных повествовательных традиций, а также и внимание к неофициальным рассказчикам не может составить беспроблемную альтернативу официальным рассказчикам истории». [Harris 2012, 177]. Если принять за «официальную повествовательную традицию» в данном случае сведения «Книги о заселении земли» и родовых саг (наши единственные источники об Ауд и ее семье и домочадцах), то в трилогии Вильборг речь действительно идет не о замене одного повествования на другое, а об их взаимодополнении, неизбежном, поскольку древние источники в данном случае являются крайне неполными.

В связи с женщинами – историческими лицами в современном историческом романе обычно отмечается, что в таком случае автору приходится неизбежно сталкиваться с тем, что в предшествующей традиции героиня оказалась не понята или понята неправильно [Cooper, Short 2012, 3]. Впрочем, к фигуре Ауд в самой древнеисландской культуре отношение строго положительно.

Художественных текстов более позднего времени (в т.ч. XX–XXI вв.), во всяком случае, крупных, посвященных Ауд, в исландской литературе обнаружить не удалось. Таким образом, Вильборг Давидсдоттир может претендовать на роль основательницы повествовательной традиции об этой героине и ее современного осмысления.

В первом романе трилогии Вильборг Давидсдоттир рассказывается о жизни героини и ее братьев и сестер на отцовском хуторе на острове Тюрвист у берегов Шотландии. Автор следует тем источникам, в которых сказано о христианском вероисповедании Ауд, и вводит в повествование Гилли Рыжего – ирландского монаха, в прошлом раба, который знакомит Ауд и ее сестер с новой верой [Vilborg Davíðsdóttir 2009, 32, 60–65]. Значительная часть основной сюжетной линии связана с библией святого Колумкилле, которую отец Ауд в свое время захватил в Ирландии в качестве военного трофея, а Гилли выкрал с намерением отвезти обратно. После



гибели монаха Ауд считает, что вернуть книгу в ирландский монастырь – теперь ее долг [Vilborg Davíðsdóttir 2009, 110–130]. В Ирландию она попадает, т.к. ее выдают замуж за дублинского конунга Олава Белого по соображениям военного союзничества. Отношения героини с супругом оказываются непростыми как по личным причинам, так и по причине того, что отец Ауд нарушает данные Олаву обязательства. В финале романа героиня разводится с мужем после рождения сына и уезжает от него на острова Сюдэрэйар. Согласно источникам, Ауд с сыном переселились туда уже после гибели Олава [Heimir Pálsson 2010, 122]. Такие коррективы в биографии героини нужны автору для решения задачи построения сюжета, но сама ситуация подобного развода не противоречит практике эпохи.

В романе «Смертельный багрец» речь идет о жизни Ауд в Катанесе, недалеко от Оркнейских островов, ее взаимоотношениях с родней, домочадцами, местным кельтским населением и оркнейским ярлом Сигурдом. Повествование здесь организовано более сложным образом, чем в предыдущем романе. Одна из основных сюжетных линий связана с персонажами, которые отсутствуют в древнеисландских текстах и введены в повествование самим автором. Речь идет о муже сестры героини – малоприятной личности по имени Асбьёрн Скрюченная нога (в древних источниках имя мужа Йорунн, сестры Ауд, нигде не упомянуто) и скотнице Торкатле, которую связывают с Асбьёрном личные счеты из прошлого. Торкатлу обвиняют в том, что она погубила Асбьёрна, наслав бурю на его корабль, и чтобы защитить женщину, Ауд приходится обещать оркнейскому ярлу Сигурду поддержку своей семьи [Vilborg Davíðsdóttir 2012, 147–148]. Значительное место в романе занимает повествование с точки зрения Торстейна Рыжего, сына Ауд. Этого персонажа вынуждают присягнуть на верность оркнейскому ярлу, который идет походом на родину его отца, Олава Белого, но Торстейн по зрелом размышлении признает такую клятву недействительной и встречается с родственниками.

Третий роман уже полностью посвящен отплытию в Исландию: строительство корабля, плавание по морю с заходом на Оркнейские и Фарерские острова (где внучка Ауд, Олёв, вышла замуж), высадка на берег в Исландии, где прибой и течения повредили корабль, взаимоотношения с жителями острова. Первыми, кого Ауд встречает на новой земле, оказываются кельты: ирландский монах брат Феархар и Эльвин с девочкой Кирин. Оказывается, что Эльвин был пленником дружины, в которой сражался сын Ауд, а уже на новой земле побывал в рабстве у ее брата. Дальнейшие перемещения Ауд в Исландии во многом обусловлены ее желанием помочь Эльвину [Vilborg Davíðsdóttir 2017, 236–237].

Известные факты биографии Ауд в трилогии воссоздаются согласно источникам; лишь в финале первого романа последовательность событий нарушается. В заключительном романе трилогии изменяется мотивировка того, отчего Ауд по прибытии в Исландию не поселилась у своего брата Хельги Бьолана на Кьяланесе. Согласно «Книге о занятии земли», Ауд сочла, что брат проявил к ней недостаточное уважение, встретив ее с



немногочисленной свитой, поэтому переселяется в Брейдафьорд к другому брату, Бьёрну [Landnámabók 1946, 83]. У Вильборг мотивировка носит иной характер: героиню возмущает отношение Хельги к ее домочадцам, его рассказы о преследовании беглых рабов и его непонимание христианства [Vilborg Davíðsdóttir 2017, 256–265].

Состав персонажей в целом также совпадает с лицами, названными в «Книге о занятии земли» и сагах: там упоминаются фигурирующие в трилогии домочадцы Ауд; персонажи, введенные в повествование автором, крайне немногочисленны. Однако именно эти авторские персонажи стоят за принятыми героиней судьбоносными решениями: взаимоотношения с монахом Гилли влияют на весь ход событий первого романа; необходимость защитить Торкатлу мотивирует действия героини во втором романе; в заключительной книге выбор места для поселения в Исландии отчасти обусловлен необходимостью не дать Эльвину и его дочери попасться на глаза их недоброжелателям.

Каждый роман трилогии сопровождается авторским послесловием, где описаны источники, методы работы с ними, а также происхождение авторских персонажей. В частности, сообщается, что имена некоторых авторских персонажей образованы от топонимов на Шетландских островах и в Исландии [Vilborg Davíðsdóttir 2017, 299].

Во всех трех романах присутствует авторская датировка: в первом время действия обозначено как 853 год, во втором – 864–866 (при этом само повествование осложнено многочисленными воспоминаниями персонажей). Самая сложная хронологическая структура у заключительного романа трилогии: действие его пролога (в котором рассказывается о гибели Олава Белого в Шотландии) датируется 874 г., отплытие в Исландию – 883 г., но рассказ о нем выстроен не в прямой хронологической перспективе: глава о самом плавании предшествует рассказу о событиях, приведших к необходимости отплытия.

Всеведущий рассказчик в трилогии везде отсутствует, но используется прием смены «точки зрения». Рекордное число «точек зрения» – в романе «Смертельный багрец»: там события нередко могут показываться «глазами» второстепенных персонажей; при этом даются экскурсы в прошлое, объясняются мотивы их поступков.

Материальная и духовная культура скандинавов и кельтов IX в. описана в трилогии подробно, как правило, это женская часть культуры (работа на ткацком станке, организация пиршеств, родильный, свадебный и похоронный обряды...). Однако описана она именно глазами персонажей, для которых это сама собой разумеющаяся единственно данная реальность, так что дистанция по отношению к современному читателю (для которого она чужая) в романах некоторым образом снимается. Впрочем, кроме чисто «женской» сферы, в трилогии в значительной мере присутствуют политика и битвы (особенно в романе «Смертельный багрец», в главах, где представлена «точка зрения» Торстейна Рыжего). События в жизни большинства персонажей драматичны, а эмоциональная реакция



персонажей, «глазами» которых увидены эти события, описана подробно.

Одни из лейтмотивов в трилогии, буквально лежащих в ней на поверхности, – проблема личного выбора женщиной своей судьбы в решающие моменты (веры, мужа, места жительства). Чаще всего он связан с личностью Ауд. В рассказе Гилли о христианстве Ауд привлекает то, что в нем равны мужчины и женщины [Vilborg Davíðsdóttir 2009, 101]. В первом романе героиня отстаивает перед Олавом Белым право на то, чтоб с ней считались; в частности, когда Олав обвиняет ее отца в нарушении клятвы, она задается вопросом: «Он хочет, чтоб она поддержала его против ее собственных родичей? И ее наполняет бессильная злоба в адрес их обоих, мужчин, которые тянут ее каждый в свою сторону. А как же их верность по отношению к ней самой?» [Vilborg Davíðsdóttir 2009, 234]. Во втором романе она уже заявляет сватающемуся к ней Асбьёрну: «Ты говоришь так, словно моя воля не имеет значения» [Vilborg Davíðsdóttir 2012, 11].

Однако проблема свободы / несвободы и личного выбора не ограничивается только женским дискурсом: персонажи-мужчины в трилогии также оказываются в ситуации, когда самостоятельное решение дается им нелегко. В романе «Смертельный багрец» перед Торстейном Рыжим встает выбор между долгом и родственными чувствами: нарушить ли ему клятву, которую его насильно принудили дать? – и он решает эту дилемму, рассудив, что присяга, данная по принуждению, не считается настоящей [Vilborg Davíðsdóttir 2012, 180–182].

Поиски места, где над ней и ее семьей и домочадцами не тяготела бы чужая воля, приводят Ауд к переселениям (Гебридские острова – Дублин – Оркнейские острова – Фарерские острова – Исландия). При этом «занятие земли» Ауд вовсе не означает начало с чистого листа: на новых землях уже есть свои жители (в частности, ее родственники), и также существует социальное и гендерное неравенство, от которых она бежала.

Кельты в трилогии Вильбог заслуживают особого упоминания. Древнеисландская словесность славится своей «монологичностью»: другие культуры и языки в окружении скандинавов как бы не замечаются. (Исландский историк и литератор Бергсвейнн Биргиссон в этой связи прямо говорит о «ксенофобном» характере древнеисландской литературной традиции [Bergsveinn Birgisson 2016, 34]). У Вильборг Давидсдоттир изображение женской судьбы (и дебатирование темы женской самостоятельности) позволяет обратить внимание на ирландских рабынь (и далее вообще кельтов, которым в древнеисландской прозе отведено маргинальное положение). При этом скандинавская перспектива всегда уравновешена кельтской. Во всех трех романах присутствуют обширные цитаты на гэльском языке (диалоги, молитвы, фрагменты песен), пересказываются древнеирландские сказания и легенды об ирландских святых; персонажи-кельты присутствуют среди рассказчиков. Наиболее яркий пример уравновешивания скандинавской и кельтской перспектив есть в романе «Кровавая земля»: там существенное место



отводится воспоминаниям Эльфина, который 13 лет назад был захвачен в плен Олавом Белым и тогда остался в живых только благодаря случайному вмешательству Ауд (т.е., пережил те же события, что и она сама, но видел их с другой позиции) [см. Vilborg Davíðsdóttir 2017, 228–230; 237–240].

Роману «Кровавая земля» предпослано посвящение «Беженцам всех времён». Его можно воспринимать как относящееся к главной героине (Ауд с семьей бежит на новые земли от кровопролития и чужого произвола), но в той же мере и как относящееся к персонажам-кельтам, как правило, пленникам, заложникам и жертвам военных действий. Также это посвящение будет неизбежно истолковано читателем в духе злободневных новостей, следовательно, прочтение этого романа (и шире – всей трилогии) возможно в «ключе» сопоставления жизни героев с жизнью современного общества.

Интертекстуальный план трилогии не очень велик. В первую очередь, это тексты и сюжеты, которые вспоминают сами персонажи: песни Старшей Эдды, отдельные строфы которых используются в качестве ритуальных текстов или пословиц, а также ирландские легенды – например, сюжет о Диармайде и Грайinne – и жития святых. Заклинание, которое произносит Катла, чтоб потопить корабль Асбьёрна [Vilborg Davíðsdóttir 2012, 132], взято из «Саги о Боси и Херрауде», о чем говорит сам автор в послесловии [Vilborg Davíðsdóttir 2012, 260].

В самом повествовании могут быть отсылки к узнаваемым эпизодам из родовых саг. В романе «Смертельный багрец» племянник Ауд, Кетиль, убивает собаку, чтоб доказать другим мальчишкам, что его нужно принять в их игру [Vilborg Davíðsdóttir 2012, 65–66], и в этой сцене можно видеть отсылку к небольшому эпизоду из «Саги о жителях Залива» (Flóamannasaga), где мальчик по имени Торгильс по той же причине убивает коня [Íslendinga sögur 12 bd, 15–16]. Ауд ударяет по лицу мешком с серебром боевого товарища Торстейна, который заявляет, что намерен жениться на его вдове и завладеть богатствами семьи Ауд [Vilborg Davíðsdóttir 2017, 110] – отсылка к эпизоду «Саге о Гисли», где так же поступает жена героя, которую пытаются подкупить. Такие аллюзии немногочисленны. Интертекстуальные связи с родовыми сагами – без сомнения, самым знаменитым жанром древнеисландской словесности, ставшим в современной исландской культуре своего рода национальным топосом, – неизбежны в историческом романе, написанном на материале из жизни древнеисландского социума IX–XII вв., когда основными источниками являются как раз эти саги. Подобные отсылки к ярким, запоминающимся эпизодам родовых саг не редкость в исторических романах XIX–XXI вв. на древнескандинавскую тематику в литературах многих стран; они маркируют универсум романа как именно древнеисландский, а в произведениях исландских авторов (апеллирующих к аудитории, которая заведомо будет узнавать саговые аллюзии) способствуют проведению параллелей между персонажами романа и известными героями саг. Достоинно внимания, что текстуальных



отсылки к тем древнеисландским текстам, где речь идет об Ауд и ее семье, в трилогии нет. В качестве материала для повествования часто выбраны факты из жизни героини, которые по определению не могут быть подробно описаны в саговой литературе.

Особенность саговых аллюзий в трилогии Вильборг содержит один важный нюанс: действие этой трилогии происходит в более раннюю эпоху, чем время действия родовых саг, (соответственно, середина IX в. и X–XI вв.). Т.е., любые саговые отсылки в трилогии неизбежно будут апелляцией к событиям, во время жизни Ауд еще не произошедшим. В некотором роде, фигура Ауд находится «по ту сторону» древнеисландской повествовательной традиции.

Манера письма в трилогии обусловлена, очевидно, не только авторским выбором, но и самой спецификой материала: фрагментарностью древних источников о героине и отсутствию посвященных ей значимых текстов более поздних эпох. Ауд Мудрая в сознании современных исландских авторов и читателей на сегодняшний момент не превратилась в «простой узнаваемый знак» [Jón Karl Helgason 2001, 10], следовательно, вновь создаваемый текст о ней будет свободен от инерции уже существующих интерпретаций, а сама личность героини открыта для новых осмыслений. Вильборг Давидсдоттир ставит к древнеисландскому историческому (и литературному) материалу современные вопросы (о положении женщины, о личном выборе индивида, о правомерности завоевания других народов и т.д.), однако не выходит при этом за рамки исторической достоверности. По отношению к самим сагам трилогия оказывается полемичной, т.к. в ней помещаются в центр группы, в древнеисландской словесности зачастую «невидимые». (Впрочем, интерес к маргинальным группам закономерен для общественных дебатов 2000-2010-х гг.).

В контексте современной исландской исторической романистики на саговом материале трилогия об Ауд Мудрой занимает промежуточное положение между специфически исландской формой исторического романа (реминисценции конкретных саг) и более привычной для европейского читателя формой исторического романа, где интертекстуальные связи с конкретными древними текстами не носят основополагающего характера, а важно воссоздание черт изображаемой эпохи в целом.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Маркелова О.А. Рецепция саг об исландцах в современном исландском историческом романе // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 3 (180). С. 28–34.

2. Árni Bergmann.\* *Vægifótur bankar á dyr* // *Tímarit máls og menningar*. 2012,

---

\* В соответствии со сложившейся в международной библиографической практике традицией, исландские авторы (у которых как правило отсутствуют фамилии, но есть отчества) вносятся в библиографические списки на ту букву, с которой начинается их личное имя, без сокращений.



árg. 4. Bls. 118–123.

3. Bergsveinn Birgisson. Leitin að svarta víkingnum. Íslensk þýðing Eva Hauksdóttir, Bergsveinn Birgisson. Ný og aukin útgáfa byggð á Den svarte vikingen. Reykjavík: Bjartur, 2016.

4. Cooper K., Short E. Introduction: Histories and heroines: the female figure in contemporary historical fiction // *The Female Figure in Contemporary Historical Fiction* / Cooper K., Short E. (eds.). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. P. 1–22.

5. Eyrbyggja saga. Íslendinga sögur. III bindi. Guðni Jónsson bjó til prentunnar. Reykjavík: Íslendingasagnaútgáfan, 1978.

6. Flóamannasaga. Íslendinga sögur. XII bindi. Árnesinga sögur og Kjalnesinga. Guðni Jónsson bjó til prentunnar. Reykjavík: Íslendingasagnaútgáfan, 1978. Bls. 1–69.

7. Harris S. Imagine. Investigate. Intervene?: A consideration of feminist intent and metafictional invention in the historical fictions of A.S. Byatt and Marina Warner // *The Female Figure in Contemporary Historical Fiction* / Cooper K., Short E. (eds.). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. P. 171–188.

8. Heimir Pálsson. „Auður“ // *Tímarit Máls og menningar*. 2010, árg. 2. Bls. 121–124.

9. Jón Karl Helgason. Höfundar Njálu. Þræðir úr vestrænni bókmenntasögu. Heimskringla. Háskólaforlag Máls og menningu. Reykjavík: Heimskringla, 2001

10. Landnámabók. Íslendinga sögur. I bindi. Lands saga og landnám. Guðni Jónsson bjó til prentunnar. Reykjavík: Íslendingasagnaútgáfan, 1946.

11. Laxdæla saga. Íslendinga sögur. IV bindi. Breiðfirðinga sögur. Guðni Jónsson bjó til prentunnar. Reykjavík: Íslendingasagnaútgáfan, 1978.

12. Vilborg Davíðsdóttir. Auður. Reykjavík: Mál og menning, 2009.

13. Vilborg Davíðsdóttir. Vígroði. Reykjavík: Mál og menning, 2012.

14. Vilborg Davíðsdóttir. Blóðug jörð. Reykjavík: Mál og menning, 2017.

15. Wawn A. The Post-Medieval Reception of Old Norse and Old Icelandic Literature // *A Companion to Old Icelandic Literature and Culture*. Rory McTurk (ed.). Oxford: Blackwell Publishing, 2005. P. 320–337.

## REFERENCES

### (Articles from Scientific Journals)

1. Markelova O.A. Retseptsiya sag ob islandtsakh v sovremennom islandskom istoricheskom romane [The Reception of Sagas of Icelanders in Modern Icelandic Historical Novels]. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, vol. 3 (180), pp. 28–34. (In Russian).

2. Árni Bergmann. Bægifótur bankar á dyr. *Tímarit máls og menningar*, 2012, vol. 4, pp. 118–123. (In Icelandic).

3. Heimir Pálsson. Auður. *Tímarit Máls og menningar*, 2010, vol 2, pp. 121–124. (In Icelandic).

### (Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

4. Cooper K., Short, E. Introduction: Histories and heroines: the female figure



in contemporary historical fiction. Cooper K., Short E. (eds.). *The Female Figure in Contemporary Historical Fiction*. Basingstoke, Palgrave Macmillan Publ., 2012, pp. 1–22. (In English).

5. Harris S. Imagine. Investigate. Intervene?: A consideration of feminist intent and metafictional invention in the historical fictions of A.S. Byatt and Marina Warner. *The Female Figure in Contemporary Historical Fiction*. Basingstoke, Palgrave Macmillan Publ., 2012, pp. 171–188. (In English).

6. Wawn A. The Post-Medieval Reception of Old Norse and Old Icelandic Literature. McTurk R. (ed.). *A Companion to Old Icelandic Literature and Culture*. Oxford: Blackwell Publ., 2005, pp. 320–337. (In English).

### (Monographs)

7. Bergsveinn Birgisson. *Leitin að svarta vikingnum*. Íslensk þýðing Eva Hauksdóttir, Bergsveinn Birgisson. Ný og aukin útgáfa byggð á Den svarte vikingen. Reykjavík, Bjartur Publ., 2016. (In Icelandic).

8. Jón Karl Helgason. *Höfundar Njálu. Þræðir úr vestrænni bókmenntasögu*. Heimskringla. Háskólaforlag Máls og menningu. Reykjavík, Heimskringla Publ., 2001. (In Icelandic).

**Маркелова Ольга Александровна**, независимый исследователь.

Кандидат филологических наук, переводчик. Научные интересы: исландская литература XX–XXI вв., фарерская литература XX–XXI вв., рецепция древнеисландской словесности в современной художественной литературе.

E-mail: [dimensionen@yahoo.dk](mailto:dimensionen@yahoo.dk)

ORCID: 0000-0003-3640-4886

**Olga A. Markelova**, independent scientist.

Candidate of Philology, translator. Research interests: Icelandic literature of 20<sup>th</sup> – 21<sup>st</sup> centuries, Faroese literature of 20<sup>th</sup> – 21<sup>st</sup> centuries, the perception of Old Icelandic literature in modern fiction literature.

E-mail: [dimensionen@yahoo.dk](mailto:dimensionen@yahoo.dk)

ORCID: 0000-0003-3640-4886